

DOI: 10.31696/S086919080033584-9

ЗАМЕТКИ О «КАМАСУТРЕ»

© 2025

А.А. ВИГАСИН ^а^а – ИСАА МГУ, Москва, Россия

ORCID: 0009-0005-2166-795X; alexey.vigasin@gmail.com

Резюме: Центральным персонажем Камасутры является нагарака («кавалер»), представитель утонченной городской культуры. Жизнь его проходит в занятиях искусствами, в играх и развлечениях. Искусство культурного досуга требует определенного достатка, но кастовая принадлежность при этом не имеет значения: «кавалером» может быть и шудра, живущий на жалованье. В идеальном доме нагараки должны быть две спальни. Одна из них находится во внутреннем помещении и предназначена для жен, а внешняя спальня – для развлечений, в которых нет места супруге. Здесь кавалер встречается с дамами: с чужой женой, с веселой вдовой, а чаще всего – с куртизанкой, которая способна доставить ему эстетическое и интеллектуальное наслаждение. Куртизанка ведет со своим кавалером искусную игру, отношения любовников кажутся театрализованным действием. Не случайно в Камасутре для них используется терминология театра: он – *pāyaka* (исполняющий на сцене роль героя-любовника), она же – *pāyikā* (актриса в роли любовницы). Свита их – та же самая, что фигурирует в трактатах о театральном искусстве: *pīṭhatarda*, *viṭa*, *vidūṣaka*. Бывает трудно определить, беллетристика следует за дидактикой или же, напротив, в трактате отражаются литературные образы и драматические сцены. Ватсьяна подражал Каутилье, и в качестве древних наставников камашастры фигурируют легендарные царские советники, упомянутые в «Артхашастре», а также два лингвиста, которые названы в «Махабхашье». Само составление трактата о наслаждении (кама) является частью той интеллектуальной игры, которой предавались древнеиндийские дамы и кавалеры. Упоминание таких областей, как Ватсагулма и Дакшина Кошала позволяет думать, что Ватсьяна был современником Харшены и Калидасы, поэтов, творивших в утонченном стиле кавья. Наука о каме (камашастра), как и вся теория «трех целей жизни» (триварга), могла возникнуть лишь в условиях развитой урбанизации, не ранее начала н.э.

Ключевые слова: Камасутра, нагарака, куртизанка, триварга, городская культура

Для цитирования: Вигасин А.А. Заметки о «Камасутре». *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 62–73. DOI: 10.31696/S086919080033584-9

NOTES ON THE KĀMASŪTRA

© 2025

Alexei A. VIGASIN ^а^а – Institute of Asian and African Studies,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0005-2166-795X; alexey.vigasin@gmail.com

Abstract: *The central character of the Kāmasūtra is the nāgaraka (fine gentleman), a representative of the urban culture. He spends his life doing arts, playing games and enjoying entertainment. The art of sophisticated leisure requires a certain income, but caste does not matter: a śūdra living on a salary can also be a “fine gentleman”. An ideal nāgaraka house should have two bedrooms. One of them is in the inner part and is intended for wives, and the outer bedroom is for leisure, a forbidden territory for the official spouse. Here, the gentleman meets ladies: other men’s wives, cheerful widows, and most often – an accomplished courtesan who is able to give him aesthetic and intellectual pleasure. The courtesan plays a skillful game; the relationship between the lovers reminds of a theatrical performance. It can be difficult to determine whether fiction follows didactics or, on the contrary, literary images and dramatic scenes are reflected in the treatise. Kāmasūtra imitated Arthaśāstra, and the legendary royal advisers mentioned by Kauṭilya, as well as two linguists named in the Mahābhāṣya, are identified as ancient teachers of the science of love. The mention of such geographical areas as Vatsagulma and Dakṣiṇa Kośala suggests that Vātsyāyana was a contemporary of the poets who wrote in the refined Kāvya style. The science of kāma, like the entire theory of the “three goals of life”, could arise only in conditions of developed urbanization – not earlier than the first centuries CE.*

Keywords: Kāmasūtra, nāgaraka, courtesan, trivarga, urban culture

For citation: Vigasin A.A. Notes on the Kāmasūtra. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 62–73. DOI: 10.31696/S086919080033584-9

«Камасутра»¹ начинается с определения понятия *trivarga* (*dharma, artha* и *kāma*), «ибо триварга является предметом обсуждения в шастре»² (I. 1. 1–2). Для каждой из этих «трех целей жизни» есть базовый текст, восходящий к Первокниге, заповеданной Праджapati (I. 1. 5; 2. 8–13). Правила дхармы основаны на Веде (*śruti*). Они содержались в той части Первокниги, которая принадлежала Ману, сыну Самосущего. Так называемые «Законы Ману» (*Manu-smṛiti*) претендуют на роль компендиума дхармы. Предписания о выгоде (артха) принадлежали Брихаспати³. Ватсьяна рекомендует в качестве учебника артхи *Adhyakṣapracāra*⁴. Такое название носит вторая книга «Артхашастры Каутильи», содержащая инструкции для тех, кто обеспечивает доходы царской казны⁵. Наконец, каму следует изучать по «Камасутре». Знатоками дхармы являются ученые брахманы, в хозяйственных делах (*vārttā*) экспертами могут быть торговцы, а в делах камы – те, кого называют словом *nāgaraka*.

¹ Ссылки на текст даются по изданию [*The Kāmasūtram of Śrī Vātsyāyana Muni*, 1982]. Нумерация сутр не всегда совпадает с принятой в русском переводе.

² *Śāstre prakṛtāvāt*. Переводчики считают, что речь идет именно о данной шастре («Камасутре»). Но возможно, имеется в виду любая шастра. Ср. у Бхамахи в «Поэтических украшениях» (4. 39): «шастра – изложение триварги» (*śāstram trivargoktir*).

³ Брихаспати был наставником богов в их противоборстве с асурами, а потому считался авторитетом в искусстве политики. Однако автор «Камасутры» ассоциирует артхашастру, скорее, с хозяйственной деятельностью (и в хинди это слово означает не политику, а экономику). Ср. в «Артхашастре» (I. 2. 11) слова о том, что знание *vārttā* помогает отличать артху от того, что ей противоположно.

⁴ Согласно переводу А.Я. Сыркина [Сыркин, 1993, с. 51], знание артхи «[достигается] деятельностью надсмотрщика», что лишено смысла. Переводчик не учитывает, что во всех трех случаях речь идет о письменном тексте.

⁵ В комментарии Медхатитхи (IX в.) на «Ману-смрити» (VII. 61; 81) есть цитаты из «Адхьякшапрачары». Видимо, это какой-то текст в жанре артхашастры. Траутманн [Trautmann, 1971, p. 168] полагает, что более древний, чем «Артхашастра Каутильи». Однако это не очевидно – во всяком случае, Бхаручи, более раннему комментатору «Ману-смрити», он не был известен.

⁶ «Артхашастра» (I. 4. 1) так определяет *vārttā*: земледелие, скотоводство и торговля. У Р. Шмидта [Schmidt, 1922, S. 18]: “von den Kennern der Satzungen der Überlieferung”, откуда в переводе А.Я. Сыркина: «сведущими в

Нагарака – центральный персонаж «Камасутры», он представляет ту социальную среду, в которой эта дисциплина создавалась и функционировала. Этимология слова прозрачна – от *nagara* (город). Но перевод *nāgaraka* как «горожанин» [Сыркин, 1993, I. 1. 23 и др.] плохо передает смысл. В санскритских текстах нередко можно встретить противопоставление горожанина (*paura*) и жителя сельской местности (*jānapada*). Но нагарака «Камасутры» – это нечто иное. Переводчики с полным основанием ищут аналоги в литературе Европы Нового времени: *fine gentleman* [Kuiper, 1979, p. 230], *le dandy* [Renou, Filliozat, 1985, p. 136], *der Elegant* [Schmidt, 1922, S. 11 и др.], светский человек [Вигасин, 1990, с. 246 и др.]. В драме Калидасы Урваши говорит царю: «ты галантный» (*ñārio'si*) [Devadhar, 1999, Vikramogvaśīya, p. 46]. *Nāgaraka* (или *nāgarika*) – человек городской культуры (латинское *urbanus*). Его противопоставляют не всякому жителю сельской местности, а мужлану, деревенщине (*grāmya*, латинское *rusticus*)⁷.

Nāgaratā или *nāgarakatā* – воспитанность, утонченность, изящество⁸. Дандин (*Kāvyaśāstra* I. 63–64) приводит такой пример: Деревенщина скажет девушке: «Я тебя хочу, почему же ко мне ты равнодушна?» Нагарака выразится по-другому: «Хотя этот негодник Кандарпа (бог любви. – *A.B.*) безжалостен ко мне, прекрасноголовая, он, по счастью, не питает вражды к тебе!»⁹. Город ассоциируется с культурой поведения. Это известно и в греческом мире – *ἄστυος* означает не просто «горожанин», но человек благовоспитанный, вежливый. Под *ἄστυ* обычно имеется в виду столица, центр культуры, в греческом мире Афины, в эллинистическое время Александрия. В латинской литературе *urbs* это, прежде всего, Рим. Есть соблазн и встречающееся в «Камасутре» слово *nagara* интерпретировать как указание на столичный город Паталипутру. Так, средневековый комментатор Яшодхара толкует *nāgarakāḥ* и *nāgarikāḥ* как «жители Паталипутры» (II. 5. 30; II. 9. 31)¹⁰. В первом случае это не бесспорно¹¹, так как Нагара фигурирует между Махараштрой и страной дравидов. Возможно, имеется в виду город в Западной Индии (*Madhyamikanagarī?*). Но во втором случае это, без сомнения, Паталипутра. Ватсьяна перечисляет восточные регионы бассейна Ганга (*prācya*). Рядом с Панчалой (Ахичхатра), Кошалой (Сакета) и страной шурасенов, конечно, должна быть Магадха. Нагарака можно сравнить с гоголевским выражением «столичная штучка».

Местожителство нагараки бывает не только в столице или в другом крупном городе (*nagara, pattana* – I. 4. 2). В зависимости от того, какими средствами он располагает (*yātrāvaśād*), можно жить и в мелком местечке (*kharvaṭa*) или «где-либо еще» (по словам Яшодхары, в деревне – *grāme*)¹². Главное, он должен вести такую жизнь, которая подобает представителю городской культуры. Нагарака строит свой дом там, где живут «приличные люди» (*sajjana*)¹³, где есть близкая ему социо-культурная среда. Об этом и говорится далее (I. 4. 36): «Если ему придется поселиться в деревне, надо вокруг себя собрать тех, кто равен ему по положению, отличается разумом и любознательностью. Пусть он обрисует им образ жизни светского человека и, завоевав их доверие, предложит подражать ему».

правилах наук», что явно не соответствует терминологии шастры.

⁷ Такое значение слова фиксируется только в классической санскритской литературе. В ведийских текстах деревня противопоставляется не городу, а джунглям: деревенский (*grāmya*) – лесной (*aranya, vanya*).

⁸ Квинтилиан (*Institutiones oratoriae* VI. 3. 17; ср. XI. 3. 30) противопоставляет *urbanitas* и *rusticitas*.

⁹ См. [Алиханова 2008, с. 182].

¹⁰ Это отождествление содержится и в средневековых эротических трактатах [«Анангаранга» V. 7; «Ратирасхья» V. 16].

¹¹ Хотя К. Мюлиус следует за Яшодхарой [Mullius, 1987, S. 176].

¹² Вероятно, *mahati* в тексте и имеет в виду «крупную (деревню)».

¹³ У А.Я. Сыркина неуместное в данном контексте: «добрые люди».

«Камасутру» часто определяют как учебник сексологии. Однако Ватсьяна (I. 2. 12) предлагает более общее определение понятию *kāma*: это удовольствие, которое испытывает человек в результате приятного воздействия (*anukūlyataḥ pravṛttiḥ*) на его органы чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание). Сюда же, естественно, входит и сексуальное удовлетворение (I. 2. 12) вследствие «особого рода прикосновений» (*sparśaviśeṣa*). «Камасутра» – трактат о том истинном наслаждении, которое способен испытывать только человек рафинированной культуры. Эротика – неотъемлемая часть этой культуры.

Образу жизни нагараки (*nāgarakavṛtta*¹⁴) посвящена особая глава (I. 4). Здесь речь идет о признаках воспитанного человека, начиная с гигиенических навыков (регулярное мытье, чистка зубов, бритье, стрижка и т.п. – I. 4. 5–6). На туалетном столике возле его постели флакон с благовониями, оставленные на ночь мази, лимонная кожура и листья бетеля. Рядом находится зеркало – нагарака заботится о своей внешности и нарядах. Тот, кто причастен городской культуре, умеет организовать свой досуг. В комнате есть дощечка для рисования и коробка с кистями и красками, на крюке из слоновой кости висит индийская лютня (I. 4. 4). Около его постели находится «какая-нибудь книга» (*yaḥ kaścit pustakaḥ*). Яшодхара, безусловно, прав, когда говорит, что имеется в виду последний сборник стихов (*tadānīm kāvyam*), который необходимо прочесть. Речь, во всяком случае, не идет о религиозной литературе.

Нагараке не случайно рекомендовано жить среди людей своего круга, для него очень важно общение с культурными людьми. В их компании он посещает театральные представления, слушает музыку и пение, наблюдает за боями петухов и перепелов (I. 4. 8–10). Нагарака устраивает вечерние приемы, услаждая друзей угощениями и напитками, приятными речами и вежливым обхождением (I. 4. 12–14; 23). С ними он совершает прогулки в парке, предаваясь беседам об искусстве и поэзии (I. 4. 20). «Это встречи людей, близких по знаниям и интеллекту, привычкам, имущественному положению и возрасту» (I. 4. 19). «При этом чествуют блистательных любимцев публики и приглашают очаровательных женщин» (I. 4. 21). Очень важное место в их жизни занимают всевозможные игры (I. 4. 4; 14; 26–28 – *dyūta, kṛīḍā*). И сама беззаботная жизнь, посвященная развлечениям, кажется тонченной игрою¹⁵.

Вполне понятно, что для подобного образа жизни требуются средства. Нагарака не всегда богат, иначе он не уехал бы из столицы в мелкое местечко или в деревню. Но он должен быть обеспеченным человеком: все эти предписания, по справедливому замечанию Яшодхары, не для тех, у которых нет ничего (*na niṣkīṃcanasyāyaṃ vidhiḥ*). Если нагарака разорется, ему достается роль клиента при состоятельном господине, которого он может обучать хорошим манерам (I. 4. 31–32). О какой-либо деятельности нагараки Ватсьяна не говорит – она его не интересует, поскольку области камы принадлежит лишь культурный досуг (*otium cum dignitate*). Имущество нагараки может быть получено в качестве наследства (I. 4. 1) – тогда он, видимо, проматывает то, что скопили предки.

Но могут быть и самостоятельные приобретения: в результате религиозных дарений (*pratigraha*), военной добычи (*vijaya*), торговли (*kṛaya*) или вознаграждения (*nirveśa*). Этот перечень из четырех элементов воспроизводит традиционные представления индуизма о структуре общества, состоящего из четырех варн. Подобные дарения получают брахманы, война – дело кшатриев, торговля ассоциируется с вайшьями, а *nirveśa* – то, что зараба-

¹⁴ Ср. *nāgarikavṛtti* в «Шакунтале» Калидасы [Devadhar, 1999, Abhijñānaśākuntalā, p. 130]. *Manière courtoise* во французском переводе [Stchoupek et al., 1959, p. 355]. Л. Рену передает *nāgarakavṛtta* как *vie galante* [Renou, Filliozat, 1985, p. 135].

¹⁵ Метафора жизни как игры не чужда классической санскритской литературе, ср. [Александрова и др., 2017, с. 21].

тывают шудры¹⁶. Значит, даже шудра может вести жизнь светского человека. Для автора «Камасутры» малозначимо противопоставление трех высших варн (дваждырожденных) и шудр. Ватсьяна необычным образом оперирует традиционными понятиями индуизма. Овладение науками (*vidyā*) он причисляет не к дхарме, а к артхе, наряду с приобретением материальных ценностей (I. 2. 9)¹⁷. Это заставляет думать, что речь идет не о пребывании брахмачарина в доме наставника-гуру с целью изучения вед, а о получении светских познаний. Именно артхе посвящена первая стадия жизни, в течение которой надлежит соблюдать целомудрие (*brahmacarya* – I. 2. 2).

На пару с нагаракой основной героиней «Камасутры» является куртизанка (*gaṇikā*). Большая часть развлечений светского человека предполагает активное участие публичных женщин (*veśyā*), они постоянные участницы дружеских компаний и приемов (I. 4. 19–28). Жилище нагараки включает два пространства (*dvivāsagrha*): внутреннее и внешнее (I. 4. 3). Во внутренних комнатах находится его жена (или жены), а также их дети – но об этом приходится лишь догадываться. Вся та светская жизнь, которая составляет содержание специальной главы о нагараке, протекает во внешнем помещении (*bāhye vāsagrhe* – I. 4. 4). Именно здесь он принимает гостей, здесь же предается любовным утехам с куртизанками.

Нагарака должен быть женат, но жена его занята хозяйством и рождением детей. Интеллектуальное и эстетическое наслаждение он получает с куртизанкой. И дело не сводится к тому, что ганика знает 64 вида эротического искусства (*pāñcālikī catuḥṣaṣṭir* – I. 3. 16)¹⁸. «Прежние учителя» утверждали, что женщинам бесполезно давать наставления в шастре – ведь они неспособны к наукам (*yoṣitām śāstragrahaṇasyābhāvād* – I. 3. 3). Ватсьяна с этим не спорит, он лишь говорит о том, что женщины могут усвоить что-то не в теории, а на практике (I. 3. 4). Однако есть и те, что способны овладеть науками: это принцессы и дочери сановников, а также куртизанки (I. 3. 11). Таким образом, ганика, в отличие от законной супруги, была дамой просвещенной. В «Лалитавистаре» (XII. 12) Сиддхартха просит отца найти ему такую жену, которая была бы столь же образованной, как ганика.

Ватсьяна (I. 4. 15) перечисляет 64 вида знаний, вспомогательных (*aṅgavidyā*) для «Камасутры», в которых должна быть сведуща ганика (как и нагарака). Это не традиционная ведийская ученость и даже не всегда, собственно, науки, а, скорее, светские навыки. Куртизанка блистает в обществе (I. 3. 17), демонстрируя свои таланты и всевозможные познания. Она танцует и поет, играет на музыкальных инструментах и рисует, искусно декламирует стихи и участвует в интеллектуальных играх. Публичная женщина со вкусом наряжается, следит за макияжем и знает толк в кулинарии. Она принимает участие в общих играх и беседах, проявляя знание языков и поэтических приемов.

Всякого рода искусства и умения рассматриваются как вспомогательные науки «Камасутры» по той причине, что только деревенщина довольствуется примитивным сексом (*grāmyasukha* – «Артхашастра» I. 17. 20; «Махабхарата» V. 88. 94–95 и др.). Человек утонченной культуры нуждается в самых разных наслаждениях, которые может дать ему общение с женщиной. Ганика украшает собою дружескую компанию, те приемы и празднества, которые устраивает нагарака. Европейские переводчики заставляют ее заниматься

¹⁶ Медхатитхи (VI. 45) определяет *nirveśa* как синоним *bhṛti* (жалованье). То же в «Брихаспати-смирти» (XIII. 34). Интересен пассаж в «Гаутама-дхармасутре» (X. 40–42): *brāhmaṇasyādhikam labdham | kṣatriyasya vijitam | nirviṣtam vaiśyaśūdrayoḥ*. Сближение вайшьев и шудр совершенно необычно для ведийских сутр и является верным признаком позднего происхождения памятника.

¹⁷ То же самое мы находим и в «Рагхувамше» Калидасы (I. 8): *śaiśave 'bhyastavidyānām yauvane viṣayaśiṅhām vārdhake munivṛttinām yogenānte tanuyajām*.

¹⁸ Сведения о любовных приемах (64 *yogāh*) всякая девушка может получить тайком (*rahasī*) от более опытной подружки, от старой рабыни или молочной сестры (I. 3. 13–14). А после свадьбы она может осваивать их с разрешения мужа (I. 3. 2).

строительным делом (толкая таким образом слово *vāstuvīdyā*) и металлургией (*dhātuvāda* – I. 4. 15). Но речь, очевидно, идет лишь о том, что ганика способна поддержать разговор о происхождении и свойствах драгоценных камней и металлов. И «знание искусства построек» (*vāstuvīdyā*) не требует строительных навыков – предполагается, скорее, представление о том, как расположение помещений влияет на судьбу хозяина дома.

Куртизанка, как и нагарака, охотно предается игре. Более того, сами их отношения выглядят как изящная игра. В качестве действующего лица «Камасутры» нагарака именуется словом *nāyaka* (кавалер), а его дама, возлюбленная – *nāyikā*. Оба этих термина широко употребляются в трактатах о театральном искусстве: *найка* – это герой-любовник, а *найка* – героиня драмы. Согласно «Камасутре» (I. 4. 31–33), их свиту составляют *pīthamarda*, *viṭa* и *vidūṣaka*. Это также персонажи санскритской драмы, амплуа или маски спутников героя-любовника: наперсника, прихлебателя и комика [Kuiper, 1979, p. 229]. Нужна большая наивность для того, чтобы воспринимать эти сценические персонажи в «Камасутре» в качестве «реальных фигур придворного и городского быта» [Гринцер, 1979, с. 46–47]. Много позже они со страниц «Натьяшастры», трактата о театральном искусстве, перешли в литературу о политике. В «Нитивакьямрите» Сомадевасури (X в.) они фигурируют в перечне тайных агентов на царской службе (XIV. 8).

В связи с вопросом о соотношении «Камасутры» и «Натьяшастры» следует коснуться вопроса о датировке того и другого текста. «Натьяшастра» относится, видимо, к I–II вв. [Алиханова, 2008, с. 154]. Когда-то предпринимались попытки датировать «Камасутру» также I в. Р.Г. Бхандаркар [Bhandarkar, 1933, p. 328] аргументировал это тем, что Ватсыяна (II. 7. 29) упоминает одного из правителей династии Сатаваханов – Кунталу Шатакарни, который жил в I в. до н.э. Будто бы скандал с этим царем был еще на слуху в те времена, когда творил автор «Камасутры». Однако составители шастр ориентировались не на современную действительность, а на предания. В дхармашастрах речь обычно идет о мифических персонажах ведийской литературы. В «Артхашастре» (I. 6 и др.) фигурируют также герои эпических сказаний: Дурьодхана, Джанамеджая, Равана и т.д. Подобного рода имена мы видим и в «Камасутре»: I. 2. 36; III. 5. 5; V. 4. 14 – Сита, Шакунтала, Ахалья и др.

У Каутильи (V. 5. 11) появляются лица, известные по историческим преданиям о царских советниках: Диргха Чараяна и Гхотамукха. В буддийской литературе содержатся фольклорные рассказы об этом «Длинном Чараяне», коварном военачальнике, который сверг Прасенаджита с престола («Мадджхима-никая» II. 118–119, Джатаки IV. 151–152, «Авадана-шатака» II. 114. 10). Есть в палийском каноне и сутта о брахмане Гхотамукхе («Мадджхима-никая» II. 157–163), который даровал монахам те средства, которые сам он регулярно получал от царя Анги. Гхотамукха был сторонником учения, которое оправдывало любые средства для достижения политической цели. В джайнских источниках сочинение *Ghoḍaḍyaḥmuha* перечисляется вместе с *Koḍillaya* (или *Canakkakoḍilla*) [Carpentier, 1921, p. 29; Jain, 1984, p. 226], то есть с «Артхашастрой Каутильи». Наконец, в «Камасутре» (II. 7. 28–30) мы находим упоминание исторических царей более позднего времени. Но сюжеты о них могли быть известны Ватсыяне из богатой повествовательной прозы начала н.э., из новелл наподобие тех, что впоследствии вошли в обширные сборники типа «Катхасаритсагарь».

Для определения хронологии создания санскритских памятников большое значение имеют встречающиеся в них упоминания топонимов и этнонимов. В шастрах самой разной тематики – о политике, медицине, поэтике – мы видим перечисления регионов Индии и обычаев их жителей. Так, «Чарака-самхита» (VI. 30. 316), медицинский трактат, относимый обычно ко II в., говорит о пищевых привычках разных народов Индии: «Греки, парфяне, китайцы привыкли питаться мясом, а жители восточной Индии – рыбой» и т.д. «Натьяшастра»

(XIV. 36–55) указывает региональные приметы поведения артистов на сцене. Список местных особенностей имеется и в эротической литературе. Так, согласно «Камасутре» (II. 5. 27), жительницы Махараштры обожают непристойности, а Гауды нежны в речах, жительницы Андхра сладострастны, а обитательницы Мадхьядешы не любят целоваться и т.д. Вряд ли правомерны попытки на основании таких списков топонимов и этнонимов в санскритских трактатах восстанавливать общую карту Индии определенного периода. Мир шаштр – условный, он ориентирован на литературную традицию не меньше, чем на окружавшую автора историческую действительность. К примеру, среди областей Южной Азии в «Камасутре» (II. 5. 27; II. 6. 45; V. 6. 33) фигурирует Стрираджья, мифическое «царство женщин»¹⁹.

Но авторы шаштр, возводившие ту или иную дисциплину к богам и риши, порою вставляли в текст знакомые реалии, не отдавая себе отчет в том, что они указывают на определенное историческое время. Ис с этой точки зрения наше внимание привлекают некоторые названия местностей, которые упоминает Ватсьяна. В II. 5. 27 имеется в виду Дакшина-Кошала (совр. Чаттисгарх), которая впервые встречается в эпиграфике IV в. (Аллахабадский панегирик и надписи Вакатаков). Не раз говорится о Ватсагулме (V. 5. 32; V. 6. 31), которая в эпиграфике упоминается не ранее IV в. [Yazdani, 1982, p. 24–25]²⁰. Такого рода информация заставляет думать, что «Камасутра» была составлена в IV или V в.²¹, то есть примерно в то же время, что и «Ньяябхашья» другого Ватсьяны (Пакшиласвамина). Скорее всего, автор «Камасутры» был современником Харишены и Калидасы, поэтов, творивших в утонченном стиле кавья. Калидаса был знаком с камашастрой – об этом свидетельствуют его поэмы «Рагхувамша» (XIX), и Кумарасамбхавы (VII). В драме «Малявика и Агнимитра» [Devadhar, 1999, *Mālavikāgnimitra*, p. 126] одного из героев называют *kāmatantasaiva (kāmāntrasaciva)*. Однако не очевидно его знакомство с текстом именно «Камасутры» Ватсьяны [Winternitz, 1996, p. 661]. Только начиная с VII в. «Камасутру» Малланаги Ватсьяны упоминает Субандху («Васавадатта»), а затем Магха и Бхавабхути. Во времена составления «Куттанимата» (VIII в.?) Ватсьяна – основной авторитет в области камашастры (77; 123). Хемачандра (*Abhidhānacintāmaṇi*, 853–854) отождествляет Ватсьяну Малланугу и автора «Артхашастры» Каутилю Чанакью.

Во времена Ватсьяны основные политические и культурные центры Индии, очевидно, сместились из долины Ганга на юг (поэтому в «Камасутре» неоднократно упоминаются области Декана: Андхра, Махараштра, Ванаваса, Видарбха, Ватсагулма). И в преданиях о царях фигурируют правители государств Западной Индии и Крайнего Юга Индостана (Абхира, Кунтала Шатакарни, Чола, Малайвати²², Пандья²³ – II. 7. 28–30; V. 5. 29; V. 6. 30).

Описание происхождения «Камасутры» соответствует литературной традиции. Все науки, в конечном счете, восходят к изначальной всеобъемлющей шаштре. Последовательное сокращение ее текста вызывается тем, что срок жизни людей уменьшается вследствие упадка дхармы. Здесь находит отражение индуистская теория космических циклов. Реально сохранившийся текст любой шаштры объявляется кратким вариантом или реконструкцией фрагмента Изначального Слова. Подобный рассказ мы находим в «Махабхарате» (XII. 59.

¹⁹ Видимо, та «Страна амазонок», о которой повествовали некогда спутники Александра Македонского (*Diod. XVII. 77* и др.). Упоминание ее встречается в санскритской литературе поздней древности и раннего Средневековья – в пуранах и у Варахамихиры (VI в.) в «Брихатсамхите» (XIV. 22; XVI. 6).

²⁰ Город Ватсагулма был резиденцией одной из ветвей династии Вакатаков. Его упоминает известный писатель X в. Раджашекхара в «Карпураманджари», а также «Катхасаритсагара» (I. 6. 9) и «Брихаткатхаманджари» (I. 3. 4). В «Камасутре» (V. 5. 32–33; V. 49. 31–32) Ватсагулма упоминается рядом с Видарбхой.

²¹ Часто так и датировали этот памятник [*Arthasāstra*, 1923, p. 29, см. Renou, Filliozat, 1985, p. 133].

²² Это этническое имя – царица происходила из области Малая (Керала, малаялам).

²³ Согласно Яшодхаре, Нарарева был полководцем в царстве Пандья.

84–92) (см. [Никольская, 2002]). В Первоякниге Брахмы содержалось исчерпывающее изложение дхармы, артхи, камы и мокши. Шива-Вишалакша²⁴, увидев, что человеческая жизнь становится все короче, сократил эту шастру до ста тысяч глав. Далее Индра сократил ее до пяти тысяч глав, и эта его книга носит название «Бахудантака»²⁵. Затем наставник богов Брихаспати – до трех тысяч, а учитель асуров Ушанас (Кавья) – до тысячи глав.

В прозаическом введении к «Нарада-смрити» [Вигасин, Самозванцев, 1998, с. 56] сходным образом говорится, что Ману создал шастру объемом в сотню тысяч стихов. Затем ее сократил до двенадцати тысяч стихов мудрый Нарادا и передал Маркандее. А тот, сократив ее до восьми тысяч, передал Бхаргаве. Последний же довел ее до четырех тысяч стихов (что почти соответствует размеру дхармашастры Ману, которую иногда называют «Бхаргавия»). Аналогичные истории содержатся в трактатах о медицине [Filliozat, 1964, р. 2–3]²⁶: эту науку последовательно передают и сокращают Брахма, Праджapati, Ашвины, Индра, а затем древние провидцы-риши. Дошедшие до нас трактаты часто недавнего происхождения, но они украшены именами этих риши [Winternitz, 1996, р. 665]. Наиболее близкую к «Камасутре» генеалогию предлагает «Кавьямиманса» Раджашекхари [Kāvyaṁīmāṁsā, 1977, р. 3]. Здесь родоначальником науки поэтики объявляется Шива, а Самосущий Праджapati – тем, кто сократил ее. Далее восемнадцать разделов шастры излагали восемнадцать авторитетов, среди которых упоминается бог Индра и древние мудрецы. Среди последних присутствуют два имени (Суварнаабха и Кучумара), упомянутые Ватсьяной в качестве авторов частей камашастры.

Изложение дхармы традиционно ассоциируется с именем Ману, и вполне вероятно, что Ватсьяна был знаком с «Ману-смрити». Артха – та область, где высшим авторитетом считался наставник богов Брихаспати. Нам не известна приписываемая ему шастра (кроме средневековой «Брихаспати-сутры»). Но «Артхашастра Каутильи» начинается с поклонения Брихаспати. Необходимо было найти мифического родоначальника и для «науки о каме». Таковым был выбран Нандин – бык, «сопровождающий Махадеву» (*mahādevānucara* – I. 1. 8), то есть Шиву. Хорошо известен эротизм культа этого бога, и характерно, что, в отличие от дхармы и артхи, кама увязывается не с ведийской мифологией, а с шиваизмом. Следующее поколение учителей камашастры представлено Шветакету, сыном Уддалаки. Выбор этого персонажа не случаен: в упанишадах («Брихадараньяка» VI.4) об Уддалаке Панчале идет речь в связи с символикой секса. В «Махабхарате» (I. 113. 9–20) говорится о том, что его сын Шветакету ввел институт брака, отменив беспорядочное общение полов.

Преемником Шветакету, по словам Ватсьяны, был Бабхравья Панчала, который не просто сократил книгу Шветакету, но и дал ей ту самую структуру из семи отделов, которую мы видим в «Камасутре». Бабхравья – название брахманской готры, и в «Махабхарате» (XII. 330. 37) говорится, что некий Панчала из этого рода изобрел способ заучивания текста «Ригведы» (*kramapāṭha*). Вполне понятно, что имя древнего мудреца искусственно вводится в генеалогию науки о каме. В «Камасутре» есть несколько ссылок на мнения сторонников Панчалы Бабхравьи, но они вряд ли доказывают историчность подобной научной школы. Нечто аналогичное мы видим и в «Артхашастре», где упоминаются последователи таких мифических авторитетов в области науки политики, как наставники богов и асуров (Брихаспати и Ушанас).

²⁴ В «Артхашастре» неоднократно даются ссылки на Вишалакшу как на одного из древних учителей артхашастры.

²⁵ В «Артхашастре» древним авторитетом этой науки назван Бахудантипутра, а средневековый комментатор («Нитирити») утверждает, что это имя бога Индры.

²⁶ Традиция о последовательной передаче знания восходит ко временам упанишад (см. в «Чхандогья-упанишаде» VIII. 15: «Брахма сказал это Праджapati, Праджapati – Ману, а Ману – людям»).

Можно лишь удивляться тому, что исследователи с доверием относятся к сообщению о том, что отдельные части «Камасутры» восходят к сочинениям таких авторов, как Диргха Чараяна, Гхотакамухха, Гоникапутра и Гонардия. К примеру, Т. Траутманн [Trautmann, 1971, p. 169] пишет, что Ватсьяна «откровенно сообщает о своих источниках». Ватсьяна, действительно, называет своих предшественников, но историческая ценность этих сообщений сомнительна [Arthaśāstra, 1922, p. 26]. Трудно представить, что советники древних царей Диргха Чараяна и Гхота[ка]мухха на досуге сочиняли трактаты о том, как следует соблазнять девиц и чужих жен. Очевидно, имена их попали в «Камасутру» из литературы, а именно из «Артхашастры Каутильи».

То же самое можно сказать о мнимом авторстве таких персонажей, как Гоникапутра и Гонардия. Эти имена встречаются в «Махабхашье» Патанджали (I. 4. 51 и др.), грамматическом трактате, который можно датировать первыми веками н.э. [Sircar, 1939; Frauwallner, 1982; Вигасин, 2024]. Трудно сказать, действительно ли предшественникам Патанджали принадлежали те мнения, которые им приписаны в «Махабхашье». Ф. Кильхорн [Kielhorn, 1969]²⁷, выдающийся исследователь санскритской грамматической традиции, показал фиктивность такого рода ссылок. Однако в «Камасутру» имена древних авторитетов в области грамматики явно попали из «Махабхашьи». Никаких отдельных сочинений эротической тематики ни Гоникапутра, ни Гонардия, конечно, не создавали. Упоминание их имен в «Камасутре» свидетельствует лишь о том, что Ватсьяна и его читатели были хорошо знакомы с текстом «Махабхашьи». В «Камасутре» (I. 2. 38) есть даже цитата из этого грамматического трактата (комментарий на Панини I. 1. 39, варттика 16). Указание на Гхотакамухху или Гоникапутру как древних авторитетов в области камашастры имеет не большую историческую ценность, чем возведение самой этой дисциплины к быку, сопровождающему Шиву. Справедливым кажется утверждение Х. Шарфе [Scharfe, 1993, p. 253], что на самом деле автор «Камасутры» (как и составители других шастр) старательно избегает указаний на свои источники и на исторических лиц.

Ссылки на Ману или Брихаспати призваны подчеркнуть авторитетность шастры, восходящей к мифической Первочитанье. Но мне кажется, что перечисление легендарных политиков и знаменитых грамматиков в качестве древних учителей (*pūrvācāryāḥ*) камашастры имеет несколько иной характер. Обычно в историографии речь идет о сугубой серьезности, даже сухости, книги, посвященной камашастре. Но образованная публика (иначе говоря, нагараки) той эпохи, когда творил Ватсьяна, должна была получать удовольствие от предлагаемой им интеллектуальной игры. Классическая санскритская литература отнюдь не чужда юмору и пародии – в том числе, в сюжетах, овеянных религиозным авторитетом [Raghavan, 1989]. Так, герой пьесы Шудраки [Kale, 1982, p. 114] расхваливает священный брахманский шнур (*yajñopavita*), который годится вору для того, чтобы измерить отверстие в стене и обеспечить проникновение в чужой дом. В романе Дандина [Kale, 1979, p. 190 f.]²⁸ (VI в.) Вихарабхадра поднимает на смех предписания шастр об артхе и дхарме. Автор характеризует его как знатока науки страсти нежной (*kāmatantra*), искусного в танцах, пении, музыке, остроумного собеседника и соблазнителя чужих жен (короче, нагараку).

Давно отмечена тесная связь «Камасутры» с «Артхашастрой Каутильи». Составитель трактата о камашастре обыгрывает терминологию политического трактата: так, посредницы (*dūtī*), передающие любовные записки, уподобляются царским послам (*dūta*). Свита

²⁷ Цитаты приписывались древнему мудрецу, при этом не имело значения, действительно ли ему принадлежало такое утверждение и вообще был ли он грамматиком.

²⁸ Ср. [Kale, 1979, p. 66–67], где речь идет о *nāgarikapuruṣasamavāya* вместе с *pīṭhamardaviṭavidīśaka* и, конечно, *ganikā*. Среду, в которой создавалась «Камасутра», Р. Шмидт считал идентичной той, что отражается в романе Дандина [Schmidt, 1904, S. 43].

нагараки и куртизанки – это их «министры» (*mantriṇah*). К ним применяется термин *sandhivighrahanīyuktāḥ* (I. 4. 34), часто встречающийся и в политических трактатах, и в эпиграфике (чиновник, отвечающий за «мир и войну»). Можно говорить о той образности, которая часто присутствует не только в санскритской литературе: завоевание сердца женщины уподобляется военному искусству (II. 4. 25), любовные ухищрения – дипломатии (I. 5. 37, ср. «Натьяшастра» XXV. 66) и т.д. Но влияние «Артхашастры» не ограничивается терминологией. Его можно обнаружить в структуре «Камасутры», в стиле изложения, в искусственных дискуссиях, где последнее слово принадлежит автору шастры – Каутилье или Ватсьяяне [Wilhelm, 1967; Jolly, 2012, S. 871–874]. Оба текста имитируют форму ведийских сутр, однако на самом деле радикально от них отличаются. Сутры восходили к устной традиции и были предназначены для заучивания наизусть. Шастры об артхе и каме принадлежат письменной словесности. «Камасутра» рассчитана на чтение, которое должно было доставить культурной публике эстетическое наслаждение. Это не только дидактическое сочинение, но и памятник художественной литературы, теснейшим образом связанный с классической поэзией и санскритской драмой.

В «Камасутре» можно отметить заимствования не только из «Артхашастры», но также из других санскритских памятников. В главе о заключении брака находят совпадения с дхармасутрой и грихьясутрой Апастамбы [Chakladar, 1990, p. 12–13]. В определении камы видят близость с сутрами вайшешики (V. 2. 15) [Jacobi, 1970, S. 511; Rocher, 2012, p. 487]. Часть содержания «Камасутры» является общей с трактатами о медицине (недаром автор XVI в. Мадхусудана Сарасвати [Шохин, 2010, с. 148] причислял камашастру к аюрведе). Очевидно, Ватсьяяна был знаком с «Натьяшастрой Бхараты», трактатом об искусстве театра. В основном это литература начала н.э. В этой связи правомерно поставить вопрос о древности самой дисциплины камашастры. Г. Якоби [Jacobi, 1970, S. 531] возводил ее к эпохе Будды Шакьямуни, но с ним трудно согласиться. Разработка «науки о каме» происходила в условиях развитой городской культуры, а середина I тыс. до н.э. – время лишь самых первых шагов урбанизации.

В ведийской словесности не встречается понятие триварги. Это не значит, конечно, что люди того времени не подозревали ни о религиозном долге, ни о материальной выгоде или чувственной страсти. Однако такие понятия, как дхарма, артха и кама, не становились предметом специального рассмотрения, они не представляли особые дисциплины (шастры). Эротические пассажи в ведийских текстах не имеют прямого отношения к науке камашастры. Когда говорят о древности триварги в индийской традиции [Winternitz, 1996, p. 608], ссылаются на ряд текстов: на «Махабхашью» Патанджали (II. 2. 34, vart. 9), на упоминание *dharmārthakāmāḥ* в «Гаутама-дхармасутре» (IX. 46)²⁹, на грихьясутру Хираньякешина (II. 19. 6)³⁰ и на «Вишну-смрити» (59. 30)³¹, на пьесу Бхасы «Пратиджняугандхараяна» и «Лалитавистару». Но все эти памятники относятся к первым векам н.э. или даже к раннему Средневековью.

Старинные дхармасутры были частью ритуальной практики ведийских школ. Лишь «Ману-смрити» знаменовала новый этап развития литературы о дхарме, ее можно считать первой дхармашастрой в точном значении слова. И составители этой книги рассматривали дхарму как часть триварги (II. 3; 224; VII. 151; XII. 38). Датируется памятник рубежом н.э.

²⁹ Относительно поздней датировки этого текста см.: [Kangle, 1968, p. 415–425; Meyer, 1927, S. 253–326; Вигасин, 1979, с. 100].

³⁰ По справедливому утверждению Н.А.Корнеевой [Корнеева, 2015, с. 36], эта грихьясутра относится к началу н.э.

³¹ Ошибочно указание А.Я. Сыркина [Сыркин, 1993, с. 17] на то, что одним из источников «Камасутры» был текст «Вишну-смрити». Последний можно датировать примерно VI–VII вв., а вовсе не «первыми веками до н.э.». См. [Olivelle, 2007, p. 149–163].

или, скорее, началом новой эры, судя по упоминанию (X. 44) таких народов, как скифы, парфяне и китайцы. «Артхашастра Каутильи» можно с уверенностью датировать I–II вв. н.э. На это указывают содержащиеся в ней данные о внешних контактах Индии – торговле с Александрией Египетской и с Китаем [Trautmann, 1971, p. 183]. Автору этого памятника также была известна концепция триварги (I. 7). Немало упоминаний триварги и ее частей встречается в «Махабхарате», но речь идет о дидактических фрагментах (преимущественно, в «Шантипарве»), принадлежащих наиболее позднему хронологическому слою поэмы. Все те тексты, в которых говорится о триварге, относятся к эпохе не древнее рубежа н.э. Между тем невозможно представить формирование «науки о каме» вне концепции триварги.

Камашастра складывалась, очевидно, в эпоху Кушан, Кшатрапов и Сатаваханов, когда, судя по многочисленным находкам монет, Индия переживала расцвет городов и торговли. Создание «Камасутры», компендиума этой дисциплины, относится к самому концу древнего периода истории Индии. А в Средние века из трактатов о каме исчезает фигура городского «щеголя» (нагараки) и куртизанки (ганики), вместо этого появляются понятия и ритуалы, связанные с тантризмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александрова Н.В., Русанов М.А., Комиссаров Д.А. *Лалитавистара. Сутра о жизни Будды*. М.: РГГУ, 2017 [Alexandrova N.V., Rusanov M.A., Komissarov D.A. *Lalitavistara. A Sutra on the Life of Buddha*. Moscow: RSUH, 2017 (in Russian)].

Алиханова Ю.М. Литература и театр Древней Индии. М.: Восточная литература, 2008 [Alikhanova Yu.M. *Ancient Indian Literature and Theater*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian)].

Вигасин А.А. Юридическая тематика в композиции дхармашастр. *Санскрит и древнеиндийская культура*. Вып. 1. М.: Наука, 1979. С. 97–104 [Vigasin A.A. Legal Topics in the Composition of Dharmaśāstra. *Sanskrit and Ancient Indian Culture*. Vol. I. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 97–104 (in Russian)].

Вигасин А.А. (пер.). Камасутра. *История и культура Древней Индии. Тексты*. М.: Издательство МГУ, 1990. С. 239–264 [Vigasin A.A. (tr.) *Kamasutra. Ancient Indian History and Culture. Collection of Texts*. Moscow: Izdatelstvo MGU, 1990, Pp. 239–264 (in Russian)].

Вигасин А.А. К интерпретации «Махабхашьи». *Вестник древней истории*. 2024. № 1. С. 47–54 [Vigasin A.A. Some Remarks on Mahābhāṣya. *Journal of Ancient History*. 2024. No. 1. Pp. 47–54 (in Russian)].

Вигасин А.А., Самозванцев А.М. (пер.). *Дхармашастра Нарады*. М.: Восточная литература, 1998 [Vigasin A.A., Samozvantsev A.M. (tr.) *Narada-dharmashastra*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998 (in Russian)].

Гринцер П.А. *Бхаса*. М.: Наука, 1979 [Grintser P.A. *Bhasa*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Корнеева Н.А. (пер.). *Апастамба-дхармасутра, Апастамба-грихьясутра, Мантрапатха*. М.: Восточная литература, 2015 [Korneeva N.A. (tr.) *Apastamba dharmasutra*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2015 (in Russian)].

Никольская К.Д. (пер.). Махабхарата XII.59. *История Древнего Востока. Тексты и документы*. М.: Высшая школа, 2002. С. 530–536 [Nikolskaya K.D. (tr.) Mahābhārata XII.59. *History of the Ancient Orient. Texts and Documents*. Moscow: Vysshaya shkola, 2002. Pp. 530–536 (in Russian)].

Сыркин А.Я. (пер.) Ватсьяяна Малланага. Камасутра. М.: Восточная литература, 1993 [Syrkin A.Y. (tr.) *Kamasutra*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1993 (in Russian)].

Шохин В.К. (пер.). Мадхусудана Сарасвати. Многообразие путей познания (Прастханабхеда). *Вопросы философии*. 2010. № 5. С. 143–154 [Shokhin V.K. (tr.) Madhusudana Sarasvati. Prasthanabheda. *Voprosy filosofii* (= *Issues of Philosophy*). 2010. No. 5. Pp. 143–154 (in Russian)].

Arthaśāstra of Kauṭilya. J. Jolly, R. Schmidt (eds.) Vol. I. Lahore: Panjab Sanskrit Book Depot, 1923.

Bhandarkar R.G. *Collected Works*. Vol. I. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1933.

Carpentier J. (ed.) *The Uttarādhyayanāsūtra*. Uppsala: Appelbergs, 1921.

- Chakladar H.Ch. *Social Life in Ancient India. Studies in Vātsyāyana's Kāmasūtra*. Delhi-Madras: Asian Educational Services, 1990.
- Devadhar C.R. (ed.) *Works of Kālidāsa*. Vol. I. Delhi: Motilal Banarsidass, 1999.
- Filliozat J. *The Classical Doctrine of Indian Medicine*. Delhi: Munshiram Manoharlal, 1964.
- Frauwallner E. Sprachtheorie und Philosophie in Mahābhāṣya des Patañjali. Frauwallner E. *Kleine Schriften*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1982. S. 284–310.
- Jacobi H. Kultur- Sprach- und Literaturhistorisches aus dem Kauṭīlīya. Jacobi H. *Kleine Schriften*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1970. S. 502–521.
- Jacobi H. Über die Echtheit des Kauṭīlīya. Jacobi H. *Kleine Schriften*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1970. S. 522–539.
- Jain J. *Life in Ancient India as depicted in Jaina Canon and Commentaries*. Delhi: Munshiram Manoharlal, 1984.
- Jolly J. Kollektaneen zum Kauṭīlīya Arthaśāstra. Jolly J. *Kleine Schriften*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2012. S. 890–908.
- Kale M.R. (ed.) *Daśakumāracarita of Dandin*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1979.
- The Kāmasūtram of Śrī Vātsyāyana Muni*. Śrīdevadatta Śāstrī (ed.), Yaśodhara (comm.) Varanasi: Chowkhamba, 1982.
- Kangle R.P. (ed.) *The Kauṭīlīya Arthaśāstra*. Part I. Bombay: University of Bombay, 1960.
- Kangle R.P. The Relative Age of the Gautamadharmasūtra. *Mélanges d'indianisme a la mémoire de Louis Renou*. Paris: De Boccard, 1968. Pp. 415–425.
- Kāvyaadarśa of Daṇḍin*. Rangacharya V.P. Poona (ed.) Bhandarkar: Oriental Research Institute, 1938.
- Kāvyaṃimāṃsā by Rājasekhara*. Ed. by S.Tripathi, Varanasi: Chowkhamba, 1977.
- Kielhorn F. Scheinbare Citate von Autoritäten in grammatischen Werken. Kielhorn F. *Kleine Schriften*. Bd. I. Wiesbaden: Harrasowitz, 1969. S. 256–257.
- Kuiper F.B.J. *Varuṇa and Vidūṣaka. On the origin of the Sanskrit drama*. Amsterdam: North-Holland Publishing House, 1979.
- Mylius K. (Übersetzer). *Mallanāga Vātsyāyana. Das Kāmasūtra*. Leipzig: Reclam, 1987.
- Meyer J.J. *Über das Wesen der altindischen Rechtsschriften und ihr Verhältnis zu einander und zu Kauṭīlīya*. Leipzig: Harrasowitz, 1927.
- Olivelle P. The Date and Provenance of the Viṣṇu-smṛti. *Indologica Taurinensia*. 2007. Vol. 33. Pp. 149–163.
- Raghavan V. *The Comic Element in Sanskrit Literature*. Madras: Samskrita Ranga, 1989.
- Renou L., Filliozat J. *L'Inde classique*. T. II. Paris: Adrien Maisonneuve, 1985.
- Rocher L. The Kāmasūtra: Vātsyāyana's Attitude toward Dharma and Dharmasāstra. Rocher L. *Studies in Hindu Law and Dharmasāstra*. London–New York–Delhi: Anthem Press, 2012.
- Scharfe H. *Investigations in Kauṭīlīya's Manual of Political Science*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1993.
- Schmidt R. *Liebe und Ehe im alten und modernen Indien*. Berlin: Barsdorf, 1904.
- Schmidt R. (Übersetzer). *Das Kāmasūtram des Vātsyāyana*. Stuttgart: Franz Decker, 1922.
- Sircar D.Ch. Date of Patañjali's Mahābhāṣya. *Indian Historical Quarterly*. 1939. Vol. 15. Pp. 633–660.
- Stchoupak N., Nitti L., Renou L. *Dictionnaire Sanskrit-français*. Paris: Adrien Maisonneuve, 1959.
- Trautmann T.R. *Kauṭīlīya and the Arthaśāstra. A statistical investigation of the authorship and evolution of the text*. Leiden: Brill, 1971.
- Yazdani G. *The Early History of the Deccan*. Vol. I. Delhi: Oriental Books Reprint, 1982.
- Wilhelm F. Die Beziehungen zwischen Kāmasūtra und Arthaśāstra. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1967. Bd. 116. S. 291–310.
- Winternitz M. *History of Sanskrit Literature*. Vol. III. Delhi: Motilal Banarsidass, 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИГАСИН Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИСАА МГУ, Москва, Россия.

Alexei A. VIGASIN, DSc (History), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.